

Хэ Даюн привалился к рабочему столу; ноги его подкосились, и он обессиленно осел на пол.

За все эти годы он не раз пытался вырваться, мучился сомнениями и каялся, но ему никогда не хватало ни сил, ни элементарного мужества. Он давно сколотил приличное состояние и хотел было отойти от дел, но биотехнологическая компания «Сухэ» не позволила бы ему уйти просто так. Фармацевтическая компания «Мэйцзян» лишь на бумаге принадлежала ему, на деле же давно превратилась в марионетку в руках гиганта.

Он целыми днями носил на груди крест и, едва вспомнив о нём, принимался судорожно сжимать распятие в ладонях, бормоча слова покаяния. Была ли это истинная вера или же жалкая попытка сбежать от реальности — он и сам не знал. Но этот день рано или поздно должен был настать. Подобная сцена и такой финал не раз являлись ему в кошмарах, заставляя просыпаться в холодном поту.

Видно, где-то в глубине души он всё же верил, что зло не может вечно торжествовать над добром, а колесо сансары рано или поздно совершит свой оборот.

Ли Жун убрал цепочку с крестом, крепко сжав её в кулаке. Он обещал Хэ Чанфэну вернуть оберег через пару дней и втайне надеялся, что к тому времени парень сможет сохранить хоть какое-то подобие душевного равновесия.

Путь, по которому он шёл, был густо усеян шипами: либо ты сам изранишься в кровь, либо покалечишь других, и случайных жертв здесь не избежать. Юноше оставалось лишь уповать на то, что Хэ Чанфэн сумеет обрести новую опору на руинах своих рухнувших идеалов.

Когда Ли Жун и Цэнь Сяо вышли из кабинета, Юй Фуянь тут же бросился им навстречу.

— Капитан, всё в порядке? — взволнованно выпалил он. — Почему вы так долго совещались?

Несмотря на заверения в доверии, помощник всё же пребывал в сильном беспокойстве. Он всерьёз опасался, что Хэ Даюн в предсмертной агонии решит пустить в ход последние козыри или что связи директора окажутся слишком обширными, и Цэнь Сяо, скованный своим положением, не решится вмешаться.

Внимание капитана было полностью сосредоточено на Ли Жуне, поэтому подчинённому он ответил коротко и буднично:

— Всё нормально. Уходим.

Юй Фуянь на мгновение замер, а затем осторожно уточнил:

— Уходим? А как же проверка «Юаньхэшэна»?

Гэн Ань, будучи мастером в чтении чужих эмоций, сразу заметил, что Ли Жун погружён в тяжёлые думы, а Цэнь Сяо крайне обеспоен его состоянием. Судя по всему, участь Хэ Даюна уже была решена и обжалованию не подлежала, поэтому лишних вопросов он задавать не стал.

Лишь их младший коллега, в силу своей юности и горячности, продолжал рубить сплеча, высказывая всё, что было на уме. Попадись ему менее уравновешенный командир, такая прямолинейность не сулила бы парню ничего хорошего.

Не дожидаясь ответа Цэнь Сяо, Ли Жун глубоко вздохнул и, заставив себя взбодриться, поднял взгляд на собеседника.

— Да, — терпеливо объяснил он. — Нам больше нет нужды проверять «Юаньхэшэн». Данные мы им вернём. Не волнуйся, Хэ Даюн сам отправится в соответствующие органы и во всём сознается. Давайте просто дадим ему шанс на явку с повинной.

Тот опешил:

— Сам сознается? Быть не может!

Когда Хэ Даюн пригласил их на разговор тет-а-тет, его намеки на попытку подкупа были более чем очевидны. Неужели за какой-то час у него вдруг проснулась совесть, и он решил сдать властям?

Гэн Ань придержал товарища за плечо и негромко пояснил:

— Успокойся. Согласно сведениям начальника группы Ханя, процесс ликвидации завершится меньше чем через два дня. К тому времени, даже если мы выявим нарушения в отчётах, отряд «Призрачный глаз» уже не будет иметь полномочий наказывать Фармацевтическую компанию «Мэйцзян». Передача улик в другие ведомства и новое расследование затянутся на неопределённый срок. А если мы попытаемся придать дело огласке в сети как «неравнодушные граждане», боты и наёмные комментаторы мгновенно задавят нас числом.

— К тому же, — продолжил Гэн Ань, — щитом для «Мэйцзян» служит «Цинжуй». В кратчайшие сроки не найдётся другого предприятия, способного предоставить столько производственных мощностей для выпуска этого препарата. Если раздуть скандал и немедленно обанкротить завод, что станется с пациентами, которые годами принимают это лекарство? Всё это нужно взвешивать. Явка с повинной позволит властям пойти на компромисс: впаять огромный штраф, но при этом назначить внешнее управление, чтобы контролировать линии «Цинжуя» и обеспечить бесперебойные поставки в больницы. Хэ Даюн может пойти ко дну, но предприятие пока должно остаться на плаву.

В горле Юй Фуяня встал ком; ему нечего было возразить. Пришлось признать, что коллега прав. Разумеется, немедленное разорение этой бесчестной конторы принесло бы чувство глубокого удовлетворения, но какой ценой? Что будет с больными? Что станет с тысячей рабочих? Город Ян — местечко небольшое, и Фармацевтическая компания «Мэйцзян» обеспечивала львиную долю рабочих мест и вклада в ВВП. Она действительно не могла рухнуть в один миг.

Ли Жун, подавив всколыхнувшиеся внутри чувства, добавил:

— Не сомневайся, он обязательно заплатит за всё содеянное. И хотя порой цену за причинённый ущерб невозможно измерить деньгами, мы стремимся к справедливости не только ради искупления прошлого, но и в назидание будущему.

Юноша ошеломлённо посмотрел на Ли Жуна. На миг ему показалось, что эти слова дались старосте с огромной болью. Истина была на его стороне, но она не приносила облегчения, ведь нанесённые раны уже невозможно было исцелить.

— Хорошо... — пробормотал Юй Фуянь.

***

Покинув территорию компании, группа без промедления направилась обратно в город А.

Хань Цзян уже успел составить в общем чате рабочий отчёт о действиях Цэнь Сяо. Сразу после того, как Ду Минли опубликовал своё «покаяние» за допущенные ошибки, бывший начальник группы Хань в главном чате Девятого района упомянул имя Цэнь Сяо.

[Хань Цзян: В ходе данного расследования группа Цэнь Сяо проявила крайнюю неорганизованность, граничащую с саботажем, и полное отсутствие взаимодействия с другими отрядами. Хотя ими и были своевременно предоставлены доказательства по старым партиям «Юаньхэшэна», драгоценное время уже было упущено. Если бы они раньше задействовали возможности информационного отдела Девятого района, мы могли бы добиться куда более значимых успехов.]

[Хань Цзян: Кроме того, за последние три месяца только группа Ду Минли исправно и вовремя предоставляла мне отчёты, обращаясь за консультациями. С группой же Цэнь Сяо связь постоянно прерывалась. Если учебная нагрузка в университете мешает работе в «Призрачном глазе», настоятельно рекомендую заранее согласовывать свой график.]

[Хань Цзян: Несмотря на то, что в этот раз обе группы не достигли поставленной цели, это послужило хорошей проверкой ваших способностей. Только под давлением возможен рост, а Девятый район всегда был местом жесткой конкуренции. Надеюсь, впредь все пересмотрят своё отношение к делу.]

[Хань Цзян: Группе Цэнь Сяо по возвращении в город А немедленно явиться в зал совещаний для проведения работы над ошибками.]

Цэнь Сяо ещё не успел ничего ответить, как тут же появилось сообщение от его соперника.

[Ду Минли: Принято.]

[Хань Цзян: Цэнь Сяо, где ответ?]

Гэн Ань заглянул в телефон и криво усмехнулся:

— Капитан, может, отправим Хань Цзяну те улики, что нашёл брат Ли?

— Мы на посадке, — бросил Цэнь Сяо ледяным тоном. — Нечего ему отправлять.

С этими словами он первым отключил телефон перед самым гейтом. Хань Цзян, не дождавшись ответа в чате, решил набрать номер напрямую.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...»

Хань Цзян: «...»

***

Рейс из города Ян в город А не был переполнен. Ли Жун и Цэнь Сяо устроились в креслах первого класса, обеспечивающих относительное уединение. Едва люки самолета закрылись, Ли Жун уронил голову на плечо спутника. Ему не нужно было слов — тот понимал всё без лишних объяснений.

Цэнь Сяо чуть развернулся к нему, ласково поглаживая по плечу и прижимаясь лбом к его виску.

— Ты молодец, малыш, — прошептал он.

Он кожей чувствовал, как невыносимо сейчас Ли Жуну. Наконец-то в деле его семьи наметился сдвиг, но правда оказалась настолько грязной и тошнотворной, что от неё хотелось кричать. Ли Цинли и Гу Нун погибли из-за столь изменной подставы, уйдя из жизни под градом незаслуженных проклятий, так и не дождавшись справедливости. А истинные виновники всё это время лишь крепили в своей безнаказанности, почивая на лаврах и наслаждаясь роскошной жизнью и незаслуженным почётом.

Ли Жун медленно закрыл глаза, и по его щекам наконец покатались обжигающие слезы. Больше не было нужды сдерживаться, не было нужды притворяться бесстрастным перед чужаками. Гнев, мука и жгучая ненависть — в нём бурлило столько тёмной энергии и неописуемых порывов, что они едва не разрывали его на части.

Если бы это было в его силах, он бы отбросил все условности. Плевать на улики, плевать на общественное мнение и даже на собственную чистоту перед законом.

В эту минуту Ли Жун хотел лишь одного: собственноручно вогнать клинок в сердце Чжэн Чжупаня. Смотреть, как его лицо искажается от боли и страха, как он бьётся в предсмертных конвульсиях. Заставить его в последние мгновения жизни познать запредельную муку и отчаяние, увидеть его запоздалое, бесполезное раскаяние, когда уже ничего нельзя исправить.

— Цэнь Сяо... — прошептал он, давась рыданиями. — Обними меня...

Тот тут же крепко прижал его к себе, чувствуя, как мелко дрожит тело юноши. Его самого захлестнула волна неописуемой боли за любимого человека. С бесконечной нежностью он коснулся губами тонких век Ли Жуна, осушая поцелуями хрустальные слезинки, застывшие на ресницах.

Цэнь Сяо целовал его соленую кожу, чувствуя, как влажные, загнутые ресницы щекочат его губы.

— Если ты хочешь справедливости, я буду рядом. Но если ты передумаешь — я сделаю так, что Чжэн Чжупань сдохнет прямо у тебя на глазах.

Ли Жун на мгновение замер, а затем поднял взгляд, заглядывая Цэнь Сяо в самую душу. Секунды спустя он понял: тот говорит совершенно серьезно. И, что важнее, Цэнь Сяо действительно был на это способен. Вспышка тьмы и ненависти в его собственном сердце нашла прямой отклик в словах друга.

Ему никогда не придётся скрывать от капитана свои изъяны или жестокость. Тот понимал его без слов и готов был идти за ним до конца.

Юноша шмыгнул носом и сильнее прижался к Цэнь Сяо, уткнувшись лбом в его лоб. Он обхватил шею друга руками и медленно коснулся его губ. Едва пригубив их, он скользнул поцелуем к самому его уху.

— Нам ещё многое предстоит прояснить. Не только с Чжэн Чжупанем. Есть ещё институт «Хунсо», есть Ланьшу и Девятый район... Разве те, кто молчал, кто закрывал глаза, кто заботился лишь о собственном благополучии — не соучастники? Я заставлю всех этих ничтожеств, незаслуженно занимающих высокие посты, с позором покатиться вниз!

Кадык Цэнь Сяо дрогнул. Он негромко рассмеялся и провел ладонью по худой спине юноши.

— Хорошо. Будет так, как ты скажешь.

Ли Жун, словно кот, уютно устроился в объятиях Цэнь Сяо, жадно впитывая исходящую от него силу и тепло. По крайней мере, теперь у них была цель и ясное понимание того, куда двигаться дальше.

Он заметил, что, стоит дать волю чувствам, как облегчение наступает очень быстро. Цэнь Сяо был для него своего рода лекарством, способным вытащить его из сырого, мрачного угла самобичевания, растворяя душевное напряжение и слабость.

— И как я раньше не замечал... — едва слышно пробормотал он. — У тебя на груди очень удобно.

Когда Цэнь Сяо расслаблялся, его мышцы становились удивительно мягкими и податливыми. Прижимаясь к ним щекой, Ли Жун кожей чувствовал мерный ритм его дыхания, и это рождало в душе ощущение небывалого покоя и надежности.

Знай он об этом раньше, стоило ли в прошлой жизни тратить столько времени впустую? К чему все эти принципы, к чему гордость? Куда лучше было просто наслаждаться моментом.

Он говорил совсем тихо, а гул двигателей был весьма ощутимым, поэтому он решил, что его не услышат. Но мгновение спустя Цэнь Сяо нежно ответил:

— А я раньше и не знал, что ты такой плакса. Знай я об этом, баловал бы тебя ещё сильнее.

<http://bllate.org/book/15351/1501122>